

Дом-гигант и первый книжный магазин

на ул. Кирова, 7

Огромный даже по нынешним временам жилой дом наискосок от универмага на улице Кирова, 7, один из самых знаменательных в городе, - наше подлинное украшение и выдающееся произведение постконструктивизма. Скажем больше - это программное произведение одного из самых выдающихся советских зодчих - Ильи Голосова (1883 - 1945), лидера символического романтизма и одного из

создателей конструктивизма.

Построенный в 1938 году по проекту архитекторов И.А. Голосова и Афанасьева пяти-шестиэтажный дом-гигант поражал современников своими масштабами: 17 подъездов, 154 квартиры. А окон - 752! 220 окон по главному фасаду, по 75 на боковых крыльях и 70 - в центральной шестиэтажной части, по 64 окна - с торцевых фасадов и 404 окна со двора. Спроектирован дом в стиле позднего конструктивизма: отсутствует классический декор - вместо него сугубо геометричные украшения, большие “лежащие” прямоугольные окна, прямоугольные арки в центральной части и две башни-пилона, но при этом идеология дома-коммуны нашла выражение разве что в ленточных балконах.

“В плане он имеет форму буквы “П”, главный фасад ориентирован на улицу Кирова, - писали в книге “Сталинск” в 1954 году. - Центральная часть главного фасада несколько заглублена. Четыре верхних этажа оформлены линиями сплошных балконов. Боковые выступающие объёмы при помощи парапетов несколько приподняты. Въезд во двор оформлен в виде двух симметричных порталов”.

Этот большой пяти-шестиэтажный 112-квартирный жилой дом № 25 был построен в 1936 - 1937 годах на левой стороне улицы Кирова, наискосок от Театральной площади, и надолго стал самым длинным домом города - 191,3 метра при ширине корпуса 11 метров. Главный автор дома-гиганта - Илья Александрович Голосов - работал в Москве и крупных центрах, включая столицу Западно-Сибирского края - Новосибирск, и хорошо знал современные тенденции западной архитектуры.

Он родился 31 июля 1883 года в Москве в семье священника. По окончании Строгановского художественно-промышленного училища поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, которое окончил в 1912 году со званием архитектора. Занимался обмерами памятников архитектуры и оформлял их для “Истории русского зодчества” и журнала “Старые годы”.

Первые работы отличаются стилевым разнообразием. По проектам Голосова были построены несколько доходных домов, церквей и особняков, в том числе особняк Зимина в Киржаче (1912) и особняк Зуева в Москве (1913), а главное - в 1909 - 1911 годах - контора Северного страхового общества в Москве на Ильинке, 21-23 (совместно с И.И. Рербергом, В.К. Олтаржевским и М.М. Перетятковичем). В этом здании в 1990 - 2000 годы до переезда в Питер размещался Конституционный суд.

Работая в 1918 году в архитектурной мастерской Моссовета, разрабатывал первый план реконструкции Москвы и создал два проекта с классическим ордором - амбулаторию Басманной больницы в Москве и школу-памятник Льву Толстому в Ясной Поляне.

В феврале 1919-го Голосов собрал все три первые премии на конкурсе... крематория в Москве. На этом-то жутком произведении и начался сдвиг к переосмыслению истоков формообразования и созданию “теории построения архитектурного организма”. Хотя до

1923 года Голосов по инерции ещё проектировал малоэтажные жилые дома и хозпостройки в традициях народного жилища и с учётом опыта пригородного строительства, три премии за крематорий своё дело свершили: в 1920 году Голосов стал лидером символического романтизма и создал подчеркнуто динамичные проекты: радиостанции (1921), конезавода в Останкино (1922) и Дворца труда в Москве (1923). Но вскоре, в 1925 году, Голосов перешёл на рельсы авангарда: Дом текстиля (1925, совместно с Б. □ Улиничем), Русгерторг (1926), Электробанк (1926), вошедший во все энциклопедии Дом культуры имени Зуева (1928) и Калмыцкий пединститут (1932). Коньком творчества Голосова стал сплав в единое целое крупных форм с простой геометрией (куб, параллелепипед и цилиндр), длинные плоскости фасадов, разбитые переплётками окон. Предопределив многие приёмы конструктивистов, Голосов не стал членом их Объединения современных архитекторов (ОСА) в отличие от своего брата Пантелеймона.

Зато в отличие от “официальных” конструктивистов он с лёгкостью перешёл на рельсы “освоения классического наследия”, когда “партия сказала “надо” и выдал “на-гора” такие программные произведения довоенного неоклассицизма, как гостиница Общества пролетарского туризма и экскурсий на Арбате, 57 (совместно с Д.Д. Булгаковым, 1934 г.) и жилой дом на Яузском бульваре, 2/16 в Москве (1936 - 1941 гг.).

Среди его произведений также жилые дома в Москве на Долгоруковской, 5 (1934□- 1936), в Спиридоньевском переулке, 8 (1939) и в Автозаводском районе Горького (1938).

У иных архитекторов зданий построено и в десять раз больше, но Голосову для всемирной известности вполне хватило и созданных им двух - трёх десятков. Потому что каждое здание мастера было по сути программным, оно или предопределяло развитие зодчества на последующие годы, или закрепляло результаты его развития, служило своего рода эталоном стиля.

И отрадно, что нашему городу есть чем похвастать: на одной улице Кирова сразу два произведения гениального зодчего - дома-гиганты № 7 и № 25, о котором мы уже писали. Дом № 7 был сдан 5 ноября 1938 года со всеми существовавшими в то время удобствами - имел холодное и горячее водоснабжение, центральное отопление, ванны, туалеты и даже телефоны.

Но вот невиданная доселе роскошь - всего по две квартиры на лестничной площадке - не должна обманывать: большинство квартир заселили как коммуналки - покомнатно. В некотором смысле такая планировка как раз и предполагала коммунальный быт. Первые советские типовые секции 1925 и 1926 гг. были четырехквартирными, дабы обеспечить каждую семью отдельной экономичной двухкомнатной квартирой. Но вскоре появилось обязательное требование обеспечить каждой квартире сквозное проветривание, то есть квартира должна была выходить на обе стороны дома. А это означало отказ от четырехквартирных секций и замену их двухквартирными. В результате в типовых секциях 1927 - 1928 гг. основной стала не компактная двухкомнатная, а большая по площади трёхкомнатная квартира без проходных комнат. Но в компенсацию за такую роскошь в условиях острой жилищной нужды тех лет решено было заселять квартиры покомнатно (так, к середине XX века жилищный фонд Москвы на девять десятых состоял из коммуналок).

Коммуналки вполне устраивали Советскую власть. Они позволяли экономить на оборудовании квартир - на две - три (а в Ленинграде порой и на 23) семьи требовался лишь один набор элементов оборудования (ванна, унитаз, раковина, печка и т.д.). А проживание вместе нескольких неродственных семей облегчало наблюдение за общественно-политическим настроением жителей городов и своевременное выявление врагов народа.

Перед домом на всём его протяжении была устроена панель - тротуар-дублёр на уровне пола первого этажа, приподнятый над параллельным обычным тротуаром. Но в Сталинске выражение “вышла на панель” ничего дурного не означало, скорее, наоборот, так

отзывались о девушке, которая пошла... в книжный магазин.
Фото из архива автора
(Окончание следует)

Автор: Вячеслав Паничкин